

УДК 101.1.; 172; 316.012; 316.014; 316.42; 316.48

ПРЕОДОЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭВОЛЮЦИОННОГО ПАРАДОКСА НАСИЛИЯ КАК «ТОЧКА РОСТА» СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВ

Н. С. Розов

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
nrozov@gmail.com

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы социальной эволюции организованного насилия. Сформулирован парадокс: барьер применения насилия, а также представления о моральном прогрессе в истории и продвижении к более гуманным порядкам трудно соотносимы с неуклонным ростом масштабов и эффективности силовых структур. Представлены основные аргументы против тезисов о глобальном тренде снижения насилия и уменьшении числа военных жертв. Одна сторона парадокса объясняется через развитие приемов и средств снижения барьера применения насилия. Другая сторона, представляющая противоречие между трендами эволюции насилия и гуманистическим пониманием смысла истории, требует практического преодоления, более сложного и глубокого научного и философского анализа. Соответствующий интеллектуальный и практический вызов стоит перед современными обществами, в том числе российским. Успешный ответ на него способен стать «точкой роста» социального, правового и нравственного развития, роста авторитета и влияния на международной арене.

Ключевые слова: насилие, организованное насилие, эволюция насилия, конфронтация, социальная эволюция, смысл истории, гуманные порядки, моральный прогресс.

Для цитирования: Розов, Н. С. (2023). Преодоление социально-эволюционного парадокса насилия как «точка роста» современных обществ. *Respublica Literaria*. Т. 4. № 3. С. 136-148. DOI: 10.47850/RL.2023.4.3.136-148

OVERCOMING THE SOCIAL-EVOLUTIONARY PARADOX OF VIOLENCE AS A “GROWTH POINT” FOR MODERN SOCIETIES

N. S. Rozov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
nrozov@gmail.com

Abstract. The problems of social evolution of organized violence are discussed. The barrier to the use of violence as well as the notions of moral progress in history and progress toward a more humane order is difficult to reconcile with the steady increase in the scale and efficiency of the power structures. There are serious arguments against the thesis of a global trend toward less violence and fewer military casualties. The contradiction between trends in the evolution of violence and a humanistic understanding of the meaning of history requires a practical overcoming, a complex and profound scientific and philosophical analysis. A corresponding intellectual and practical challenge confronts contemporary societies, including Russian ones. A successful response to it can become a "growth point" for social, legal, and moral development, the growth of authority, and influence in the international arena.

Keywords: violence, organized violence, evolution of violence, social evolution, meaning of history, humane orders, moral progress.

For citation: Rozov, N. S. (2023). Overcoming the social-evolutionary paradox of violence as a “growth point” for modern societies. *Respublica Literaria*. Vol. 4. no. 3. pp. 136-148. DOI: 10.47850/RL.2023.4.3.136-148

Парадокс эволюции насилия в истории

Первые десятилетия XXI в. обрушили надежды на плавное и мирное ускорение глобализации со сближением народов и культур, с прекращением сокрушительных кризисов и массового насилия. Драматические события делают все более актуальным широкий взгляд на социальную эволюцию, на не иссякающие источники суровых вызовов, на которые следует искать адекватные ответы, способные стать «точками роста» современных обществ в направлении мирного социального и культурного развития.

Рассмотрим следующие тезисы:

1. Непосредственное применение насилия для людей обычно не комфортно и не желательно, связано с напряжением и страхом; большинство людей стремятся избежать такого опыта.

2. Поскольку для людей обычно предпочтительны порядки без насилия над ними и без необходимости его применять, расширение таких порядков в истории желательно и прогрессивно в моральном аспекте, соответствует ценностям и принципам гуманизма.

3. На протяжении мировой истории развивались средства и росли масштабы организованного, прежде всего государственного насилия (армия, полиция, спецслужбы, средства контроля и репрессий, вооружения, число военных жертв).

Пункт 3 хоть и не противоречит строго пунктам 1 и 2, но выглядит странным и нуждается в объяснении. Действительно, насилие психологически не комфортно, связано с напряжениями, страхами, страданиями, но масштабы его растут. Исторический прогресс должен состоять в избавлении от насилия, хотя бы в его уменьшении, однако в реальной истории всевозможные структуры насилия ускоренно развиваются, а масштабы жертв увеличиваются. Ни один из тезисов парадокса не является очевидным, они требуют обоснований, которые и будут приведены ниже.

Определение насилия – средний путь

«Насилие» – весьма многозначное понятие. В последние десятилетия оно часто используется в крайне расширительном смысле, особенно, когда в гуманитарно-ориентированных текстах пишут о «символическом насилии», «структурном насилии», «институциональном насилии», «экономическом насилии» и пр. Есть и противоположная позиция: так один из наиболее авторитетных исследователей насилия в истории Мэнуэл Эйснер определяет это понятие крайне узко, как «намеренное, но нежелательное причинение физического вреда другим людям». Для тех, кто собирает и изучает эмпирические данные о насилии в далеком прошлом и в разных обществах, такой крен понятен [Eisner, 2009, p. 42].

Для теоретического анализа эволюции организованного насилия (прежде всего государственного) целесообразно использовать среднее значение термина. Далее под «насилием» будем понимать:

1) прямое и преднамеренное физическое воздействие на жертву против его(ее) воли, в том числе болезненные и/или унижительные удары, избиения, лишение возможности передвигаться и сопротивляться, пытки, увечья, покушение на здоровье, изнасилования, убийства;

2) целенаправленное нанесение ущерба условиям жизни и предметам собственности, такие как разрушение жилища, обречение на голод и гибель, прочие формы существенной депривации, т. е. создания невыносимых условий для жизни людей;

3) угрозы такого воздействия и ущерба для жертвы или его(ее) близких, а также жесткое принуждение (навязывание воли, шантаж, установление отношений подчинения), основанное на явных или неявных угрозах такого рода¹.

При такой концептуализации, оскорбления, унижения (т. н. «символическое насилие») следует считать частью насильственных действий, только когда жертва уже лишена возможности сопротивляться (п. 1) или запугана угрозами (пп. 2–3).

Проблема природы насилия – выбор онтологии

Некоторые авторы утверждают, что человек генетически предрасположен к насилию. Азар Гат считает, что агрессия является биологическим средством приобретения потенциальных репродуктивных партнеров и пищи [Gat, 2013]. Согласно Стивену Пинкеру, большинство людей созданы для насилия [Пинкер, 2021]. Действительно, нельзя отрицать разнообразие врожденных (генных, нейронных) предрасположенностей, в том числе, в аспекте склонностей к агрессивному поведению, доминированию, насилию. Материальные аспекты насилия (компоненты *биотехносферы*) включают также сами человеческие тела (весьма уязвимые к травмам) и применяемое оружие, но также всевозможные средства ограничения человеческой свободы (от ям, веревок и стен с зарешеченными окнами до наручников и специальных браслетов).

Социальную природу насилия можно усмотреть в самом определении (см. выше), поскольку *социальное* и есть взаимодействия, как правило, между особями и группами особей одного вида, в нашем случае – между людьми. Более точное понятие *социосфера* включает наряду с взаимодействиями отношения, организации, институты и прочие структуры, составляющие устойчивые инварианты или каркасы взаимодействий [Мертон, 2006]. Многие из них имеют в своей основе либо принуждение, основанное на угрозе насилия, либо правила, нарушения которых могут или должны приводить к наказаниям, санкциям, причем сопротивление последним также предполагает применение насилия.

Психику, психическое, причем не только эмоциональность (чувства, порывы, аффекты), но также когнитивные, волевые аспекты (картины мира, принятые моральные и правовые нормы, решимость выполнять правила и наказывать за их нарушения) нельзя не учитывать при любом анализе насилия. Соответствующей сферой бытия как частью принимаемой здесь онтологии является *психосфера* [Иванов и др., 2001].

Есть известные моральные и правовые основания применения насилия, например, при самозащите, при защите близких, при обезвреживании преступников, при обороне. В разных обществах также считаются правомерными, легитимными способы и средства насилия, типы организаций, применяющих насилие. Все это не только проявляется в психике живых людей и актуальных социальных формах, но также транслируется при смене поколений. Особенно

¹ Данное определение близко к дефиниции Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ). Расширение состоит во включении ущерба (п. 2), форм воздействия, а не результатов (пытки, лишение свободы могут не приводить к повреждениям и травмам, но являются насилием).

высока значимость этой части онтологии – *культуросферы* – при анализе эволюции организованного насилия. «Клеточкой» данной сферы бытия являются *культурные образцы* – всевозможные знаки, значения, образные содержания, составные смыслы, которые транслируются в поколениях через социальное обучение с использованием символизации [Кребер, 2004].

Барьер применения насилия: конфронтационное напряжение и страх

Страдания жертв насилия не нуждаются в обосновании (оставим за скобками извращенную экзотику мазохизма). Сосредоточимся на дискомфорте непосредственного применения насилия, тем более что знания о масштабах и жестокости насилия в мировой истории (п. 3 выше) заставляют особенно внимательно и критично отнестись к тезису об универсальности этой характеристики человеческой природы.

Рэндалл Коллинз ввел двойное понятие *конфронтационное напряжение + страх* (confrontation tension/fear) [Collins, 2008, pp. 8-10]. По своему смыслу эта пара составляет эмоциональное препятствие для совершения насилия, поэтому обозначим то же понятие как *барьер применения насилия*.

Конфронтационное напряжение означает сильные демобилизующие или даже блокирующие эмоции, внутренне препятствующие индивидам совершать насильственное действие. Коллинз объясняет этот феномен из врожденного неврологического аппарата (neurological hard-wire) индивидов как участников взаимодействия лицом-к-лицу. Объяснение феномена строится не из психологии одного индивида (потенциального агрессора), а из структуры ситуации. Дело в том, что наиболее нормальные и комфортные для людей взаимодействия – солидарные, когда действия и эмоции участников согласованы, причем люди крайне чувствительны к настроению непосредственных участников взаимодействия. Эта «нормальность» и чувствительность хотя бы к состоянию близких, «своих», зафиксированы в неврологическом аппарате каждого. Но и полное равнодушие к видимым страданиям окружающих, тем более садистское удовольствие их наблюдать, не являются врожденными и «нормальными», они появляются в результате особого опыта и воспитания.

«Насильственные взаимодействия трудны, потому что они идут вразрез с обычными интерактивными ритуалами. Тенденция вживаться в ритмы и эмоции друг друга ведет к тому, что при совсем ином взаимодействии – антагонистическом – люди испытывают всепроникающее чувство напряжения. Это то, что я называю *конфронтационным напряжением*; на более высоких уровнях интенсивности оно переходит в страх. По этой причине насилие совершить не просто, а трудно. Люди, которые хорошо владеют навыками насилия, – это те, кто нашел способ обойти *конфронтационное напряжение/страх*, обратив эмоциональную ситуацию в свою пользу и в ущерб противнику» [Collins, 2008, p. 20].

При конфликте всегда возникает напряжение, оно может выражаться в громкой ругани, оскорблениях, угрозах, когда каждая сторона пытается навязать свой ритуал с формулой «я прав и я сильнее». Когда дело доходит до насилия, напряжение возрастает многократно

из-за выхода за рамки ритуальной «нормальности». Исключения составляют особые типы ситуаций: спортивное состязание, действия полицейских и военных профессионалов, подготовленных преступников, опытных циничных киллеров и т. д.

Нанесение побоев, увечий, тем более покушение на убийство, сталкиваются с барьером применения насилия, который может быть преодолен либо сильнейшим аффектом, либо особой подготовкой, встроенностью в жесткие дисциплинарные рамки, профессиональным самоконтролем и привычкой. Нельзя исключать фактор вполне естественного страха ответного насилия и/или последующего возмездия, но мысль Коллинза глубже этого тривиального тезиса.

«Конфронтационное напряжение и страх [...] – это не просто эгоистичный страх человека перед телесными повреждениями; это напряжение, которое прямо противоречит склонности людей быть вовлеченными в эмоции друг друга при наличии общего фокуса внимания. Мы эволюционировали на физиологическом уровне таким образом, что драка как взаимодействие сталкивается с глубоким препятствием, поскольку заложенный в нас неврологический аппарат заставляет нас действовать в непосредственном присутствии других человеческих существ. Конфронтационное напряжение/страх – это эволюционная цена, которую мы платим за цивилизованность» [Ibid].

Смысл истории как самоиспытание человечества на способность к установлению гуманных порядков

Обратимся ко второму пункту парадокса: от антропологии непосредственного взаимодействия переместимся к горным вершинам философии истории. С позиций защищенности человека (*антропростасии*) мировая история предстает как *перманентное самоиспытание человеческого рода*, критерий успеха которого связан с продвижением к гуманным порядкам, при учете неизбежного недостатка ресурсов и неустранимой конфликтности интересов [Розов, 2019]. *Гуманные порядки* обеспечивают индивидам и сообществам полноценную жизнь, предполагающую безопасность, свободу, достоинство, возможности достигать материального благосостояния.

Этическая правомерность такого идеала никогда не будет обоснована с логической непреложностью и универсальной обязательностью. Принимать или не принимать данную позицию – всегда будет делом нравственного и экзистенциального выбора. Поэтому вместо строгого обоснования приходится довольствоваться мотивировкой – почему распространение гуманных порядков может и должно быть широко принимаемой ценностью и целью коллективных действий.

Здесь мы возвращаемся к человеческой природе, включающей врожденные потребности в защите и поддержке, в эмоциональных связях с близкими, в заботах о признании хотя бы с их стороны. Мы знаем, что даже в семьях, в отношениях между любящими друг друга такие желания, ожидания, заботы зачастую не оправдываются. Тем более, всевозможные формы ущерба, неприемлемого принуждения, насилия грозят людям извне – от чужих сообществ. Тем не менее, расширение круга солидарных и поддерживающих «своих» было и остается одним из значимых трендов при укрупнении сообществ, образовании соседств, этносов, наций, конфессиональных и культурных миров.

Широко распространенное в разных культурах «золотое правило нравственности» может быть сформулировано таким образом: *если мы хотим быть защищенными, жить по своим законам, почитать свои святыни, то почему не предоставить всем другим сообществам такие же возможности?* Когда правила и ценности каждого сообщества включают воздержание от причинения ущерба другим сообществам («чужакам»), тогда внутренние гуманные порядки дополняются внешними, международными порядками мирного партнерства, обмена и сотрудничества². Не является ли идея расширения гуманных порядков очередной пустой утопией?

Нельзя сказать, что отсутствует продвижение на этом пути. Поселения, города, нации, коалиции и союзы дружественных стран с высокими уровнями взаимного доверия, солидарности, поддержки при бедствиях и угрозах уже представляют собой примеры успешного прохождения испытания, пусть пока в ограниченных пространственных и временных масштабах. Лига Наций и затем Организация Объединенных Наций были созданы с ориентацией на те же Кантовы идеалы добровольного и мирного союза народов – *foedis Amphictyonum* [Кант, 1994].

ООН испытывает сейчас известные трудности в связи с внутренней бюрократизацией, неспособностью эффективно препятствовать войнам, массовому насилию. Кажущаяся очевидность благонамеренных идей («давайте жить мирно и дружно в едином глобальном мире!»), отчасти подкрепленная успехами в отдельных мировых регионах, находится пусть не в логическом, но в сильном эмоциональном и ценностном противоречии с тем магистральным трендом роста масштабов насилия и жертв (п. 3 сформулированного выше парадокса), о котором речь пойдет далее.

История как арена сложных отношений между насилием и гуманностью

Если оставить за скобками природные бедствия и техногенные катастрофы (необходимость защиты от которых не вызывает разногласий), то *главной угрозой человеку и человечности является сам человек* [Brookman, 2005].

Человек всегда находился под угрозой *индивидуального насилия*. Начиная с появления политических, имеющих организованную военную силу (вождей и, особенно, государств) социальные порядки стали включать *организованное насилие*, когда координация действий стала определяться уже имеющейся структурой социальных позиций с взаимно признаваемыми обязанностями, ответственностью и ожиданиями (т.е., собственно, организацией). Разнообразные структуры такого насилия использовались для разбоя и грабежей, для завоеваний, для защиты от подобной же внешней агрессии, а также для контроля над членами своего сообщества [Malešević, 2017]. Этот контроль, с одной стороны, служит для ограничения индивидуального насилия (чему способствует дальнейшее развитие правовых институтов), с другой стороны, само организованное насилие со стороны вождей, элит, государства всегда защищает режим, его бенефициаров, в большей или меньшей мере реализует репрессии против политических конкурентов, недовольных, протестующих.

² Ср. с известными версиями «светского», «планетарного», «универсального», «глобального» гуманизма, с этикой ненасилия [Гусейнов, 1992].

Личная гвардия правителя³, охранный гарнизон города, завоевательная и/или оборонительная армия, тайная полиция и подобные спецслужбы, жандармерия и полиция, судебные приставы, тюрьмы, концентрационные лагеря – таковы наиболее известные типы организаций государственного, соответственно, *легитимного насилия*. Классическое веберовское определение государства как организации с монополией легитимного насилия на территории [Вебер, 1990, с.647] указывает как раз на фундаментальную роль организованного насилия в порядках, достигших уровня цивилизации (т. е. с государственностью, городской культурой и развитой письменностью).

Итак, структуры и практики организованного насилия амбивалентны:

– с одной стороны, они укрепляют гуманность порядков, когда защищают жизнь, свободу, достоинство, условия существования индивидов и сообществ (честные суды, полиция, оборона);

– с другой стороны, они подрывают, разрушают гуманность порядков, когда наносят ущерб людям в тех же аспектах (неправовые репрессии, агрессивные войны, погромы, геноцид, этноцид).

Рост структур организованного насилия в мировой истории

Излишне доказывать почти неуклонный количественный рост армий и военных расходов, непрерывный и впечатляющий прогресс вооружений в дальности, поражающей мощи, точности попаданий. Эти процессы ускоряются на первых этапах военной революции, которые неслучайно совпадают с эпохами предмодерна (XV–XVI вв.) и раннего модерна (XVII–XVIII вв.)⁴.

Не менее значительным является неуклонный рост охранных и специальных служб, жандармерии, полиции. Все они выросли из личных охранных гвардий правителей. В XVIII в. в Западной Европе стали строиться «полицейские государства», в которых полиция отвечала за детальную регуляцию поведения граждан ради достижения «общего блага» [Филиппов, 2012]. После наполеоновских войн функции полиции сузились до привычных нам функций поддержания внутреннего порядка, борьбы с преступностью, однако полицейские структуры продолжали расти в количественном отношении, разветвлялись как часть общей бюрократизации государств классического и позднего модерна.

С начала XIX в. охота за шпионами, противодействие заговорам, подрывной, революционной деятельности вели к значительному росту структур тайной полиции. В дальнейшем этот тренд только нарастал. Обе мировые войны стали мощными толчками в развитии забот шифрования и дешифровки, защиты секретных материалов, структур разведки и контрразведки, прочих специальных служб. Новые средства коммуникации, возможности Интернета, другие тренды глобализации способствовали появлению и развитию международного терроризма, а для борьбы с ним создаются, растут, объединяются национальные и региональные антитеррористические структуры.

³ См.: *Аристотель*, Политика, III, 15, 1286b27-38.

⁴ Среди огромной литературы упомянем только работы с особенно широким кругозором и важными обобщениями [Мак-Нил, 2008; Тилли, 2009].

Если мощное и всестороннее развитие структур организованного насилия в мировой истории, особенно с начала эпохи модернизации, не вызывает сомнений, то тема роста или снижения числа жертв как результатов летального насилия остается полем острых дискуссий.

Снижалось ли насилие в ходе социальной эволюции?

Некоторые исследователи положительно отвечают на этот вопрос, доказывают, что, в частности, организованное насилие неуклонно снижается на протяжении последних столетий [Goldstein, 2012; Gat, 2013; Morris, 2014].

На Западе, а с недавнего времени и в России, наиболее известна книга Стивена Пинкера, полная данных и рассуждений в пользу морального прогресса и общей эволюционной тенденции к снижению насилия [Пинкер, 2021]. Он доказывает, что благодаря идеям гуманизма, Просвещения и прав человека происходит общее и неуклонное снижение числа военных жертв, убийств, актов террора и революционного насилия во всех мировых регионах. В ответ на резонные возражения, касающиеся страшных войн XX в., Пинкер приводит свои подсчеты убитых в отношении к выросшему населению планеты. Согласно Пинкеру, сегодня мы живем в самую мирную эпоху за все время существования нашего вида.

Данная книга, приведенные в ней данные, расчеты и выводы подверглись суровой критике со стороны специалистов по статистике, военной истории, исторической социологии [Epstein, 2011, Cirillo & Taleb, 2016; Malešević, 2017; Braumoeller, 2019]. Малешевич пишет:

«Тот факт, что во время двух мировых войн население этих стран могло испытать демографический бум, имеет очень мало общего с кровавыми реалиями войны, происходившими в других странах. Какое отношение имеет значительный прирост населения в Бразилии или Индии 1939–1945 гг. к массовым убийствам на полях сражений Сталинграда, Вердена и Курска? В странной и глубоко ошибочной системе расчетов Пинкера этот не связанный с войной прирост населения использовался для компенсации потерь, имевших место в других местах» [Malešević, 2017, p. 103].

Р. Эпштейн с горечью заметил, что по логике Пинкера, когда в 2050 г. население планеты достигнет 9 миллиардов человек, Пинкер, возможно, будет удовлетворен, если в тот год в войне погибнет всего два миллиона [Epstein, 2011].

В многочисленных расчетах и графиках, собранных Максом Розером и др. по многочисленным базам данных [Roser et al., 2016], нет ни монотонного снижения, ни монотонного роста. Видны волны, гребни которых резонно сопоставлять с периодами турбулентности. Первая половина XX века отличается увеличением плотности и масштабности конфликтов, что явно связано с ростом численности армий, мощности оружия и распространением относительно современной вооруженной силы далеко за пределы прежнего (европейского) авангарда в этой сфере. Самое удивительное, что при распространении идей гуманизма, Просвещения, равенства и демократии продолжался рост масштабов организованного насилия с 1400 г. вплоть до 1950-х гг.⁵

⁵ Available at: <https://www3.nd.edu/~dhoward1/Rates%20of%20Death%20in%20War.pdf> (Accessed: 20 June 2023).

Преодоление барьера применения насилия – взгляд через призму четырехчастной онтологии

Эволюция структур и практик организованного, особенно легитимного государственного, насилия вполне закономерна. Армии росли, чтобы побеждать слабейших, но рано или поздно встречались с выросшими армиями других держав. Все потенциальные противники вынужденно включались в гонку размеров армий, эффективности оружия, приемов военного искусства, мобилизации ресурсов и т. п. Правители и элиты также всегда озабочены поддержанием внутреннего порядка и безопасности, укреплением политических режимов в растущих и усложняющихся обществах, что наряду с «мягкими» символическими практиками (религией, идеологией, пропагандой, воспитанием) также требует развития силовых структур.

В сфере организованного насилия барьер конфронтационного напряжения/страха имеет особенно большое значение, поскольку без его преодоления у исполнителей, прежде всего непосредственных, никакой эффективности ожидать не приходится. Поэтому происходил закономерный прогресс способов преодоления этого барьера.

«История армий – это история организационных приемов, заставляющих мужчин продолжать сражаться или, по крайней мере, не убегать, даже если они боятся» [Collins, 2008, р. 28].

Коллинз перечисляет следующие способы: нападение на слабейшего, обман врага и нанесение ударов исподтишка, особая ритуальность (парады, молитвы, клятвы, барабанные марши, знамена), позволяющая преобразовывать эмоции напряжения и страха в чувства чести и готовности к самопожертвованию, укрепление дисциплины подчинения через страх перед непосредственными начальниками (унтер-офицерами), развитие дистанционного оружия.

Фактически приходится развивать и совершенствовать компоненты всех онтологических «миров».

Административная иерархия подчинения, дисциплинарные требования и угроза наказаний, использование заградительных отрядов и т. п. составляют организационные структуры в *социосфере*. Ритуалы, символы, святыни, всегда опирающиеся на традиции, т. е. межпоколенные образцы *культуросферы*, используются для внушения потенциальным исполнителям насилия требуемые установки и тем самым воздействуют на управляющие актами сознания и поведения структуры *психосферы*.

Всевозможные материальные средства обороны – от щитов, доспехов, крепостных стен до танковой брони и глубоких бомбоубежищ – в какой-то мере позволяют преодолевать страх. Неуклонный прогресс оружия нападения в аспекте удаленности – от копий, дыхательных трубок, метательных топоров, луков со стрелами до артиллерии, баллистических ракет, самонаводящихся торпед, систем дистанционного высокоточного оружия – не только позволяет поражать противника со все более безопасного расстояния, но также снижает или вовсе устраняет мешающее убивать напряжение. Далекие фигурки становятся лишь мишенями, военные цели – точками на планшетах, а на экранах мониторов вообще будущие жертвы мало чем отличаются от нарисованных противников в развлекательных компьютерных играх-стрелялках. Как видим, впечатляющее (и не менее

удручающее) развитие вооружений в мировой истории, т. е. ускоренная эволюция компонентов *биотехносферы*, также во многом служит для преодоления указанного барьера как неотъемлемой части человеческой природы.

Если одну часть парадокса можно считать в общих чертах объясненной, то другая часть таит теоретические и практические трудности, масштабов которых пока даже не видно.

Подступы к соотнесению эволюции насилия и гуманистического смысла истории

Приходится признать, что обрисованная выше «железная закономерность» развития структур насилия, особенно военных и полицейских технологий, если не блокирует полностью перспективу установления гуманных порядков – мира без войн и жестоких репрессивных режимов, в которых человек не защищен, – то уж точно сужает эти возможности.

Потенциал накопленного оружия (компонентов *биотехносферы*), подготовленных армий и внутренних войск всегда будет соблазнителен для использования в силовом подавлении внешних противников и внутренних политических конкурентов. Известна зависимость внутренней легитимности правителей от военного успеха и геополитического престижа в *социосфере*. Учтем также широко известные и вполне традиционные идеи пользы «маленькой победоносной войны» и макиавеллевской мудрости «любовь подданных – хорошо, но страх надежнее» в *культуросфере*, соответствующие установки воспринявших эти идеи правителей и элит как часть *психосферы*.

Как видим, препятствия на пути к гуманным порядкам весьма основательные, они имеют свои опоры во всех четырех онтологических «мирах». Это означает, что миролюбивые, защищающие человека гуманистические коллективные действия могут быть эффективными, только если сумеют вдохновить «критическую массу» правителей, элит и широких социальных групп на весьма сложную согласованную трансформацию.

Речь должна идти о международных, национальных организациях и институтах, эффективно ограничивающих насилие правовыми рамками благодаря надежному преимуществу во влиятельности и военной силе (в *социосфере* и *биотехносфере*) [Медушевский, 2023; Розов, 2023], о распространении идей ненасилия, как транслируемых в поколениях образцов мировоззрения и мышления (в *культуросфере*), о соответствующих политических, правовых, моральных установках живущих поколений (в *психосфере*).

Направленность требуемой для продвижения к гуманным порядкам трансформации понятна – снизить (а идеале – устранить) соблазны правителей и элит укреплять свою власть и легитимность за счет войн, неправового насилия и принуждения. Следует, с одной стороны, увеличивать издержки таких рецидивов, с другой стороны, расширять возможности правителям и элитам наращивать свои легитимность, влиятельность, благосостояние через благотворные для их обществ и международного партнерства стратегии и реформы.

Следует учитывать сложность актуальных разномасштабных структур и порядков с узлами напряжений и противоречивых интересов, чреватых новыми всплесками массового насилия. Не менее важно выявить глубинные социально-эволюционные закономерности, связанные с политикой и насилием, порождавшие драматическую и нередко трагическую историю предыдущих столетий. Преодоление этих могучих движителей роста

организованного насилия не может быть легким и разовым, что не означает полной безнадежности усилий гуманизма и миротворчества. Соответствующий интеллектуальный и практический вызов стоит перед современными обществами, в том числе российским.

Судя по всему, даже в самом оптимистичном сценарии глобальный прогресс в данном аспекте займет несколько поколений, будет многоступенчатым, с коалициями первопроходцев. Успех ответа на вызов будет достигнут, когда эти коалиции сумеют сделать свои правовые и гуманные порядки не только в национальных масштабах, но и в международных отношениях, привлекательными для остальных, поэтапно присоединяющихся обществ и государств. Таковы перспективные «точки роста» общественного развития в социальном, нравственном развитии, а также в плане международного влияния и авторитета.

Список литературы / References

Вебер, М. (1990). *Избранные произведения*. Пер. М. И. Левиной, А. Ф. Филиппова, П. П. Гайденко. М. Прогресс. 808 с.

Weber, M. (1990). *Selected works*. Levina, M. I., Filippov, A. F., Gaidenko, P. P. (transl.). Moscow. 808 p. (In Russ.)

Гусейнов, А. А. (1992). Этика ненасилия. *Вопросы философии*. № 3. С. 72-81.

Guseynov, A. A. (1992). Ethics of Nonviolence. *Voprosy filosofii*. no. 3. pp. 72-81. (In Russ.)

Иванов, А. Ю. и др. (2001). *Генезология психосферы. Опыт создания прототипа теоретической психологии, удовлетворяющей современным критериям научности*. М. Концепт. 621 с.

Ivanov, A. Ju. et al. (2001). *Genesology of psychosphere. Experience of creating a prototype of theoretical psychology that meets the modern criteria of scientificity*. Moscow. 621 p. (In Russ.)

Кант, И. (1994). Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. *И. Кант. Сочинения*. Т. 1. М.–Марбург. С. 79-123.

Kant, I. (1994). Idea of a universal history from a cosmopolitan point of view. In *I. Kant. Works*. Vol. 1. Moscow–Marburg. pp. 79-123. (In Russ.)

Кребер, А. (2004). *Избранное: Природа культуры*. Пер. Г. В. Вдовина. М. РОССПЭН. 1006 с.

Kroeber, A. (2004). *Selected works: The nature of culture*. Vdovin, G. V. (transl.). Moscow. 1006 p. (In Russ.)

Мак-Нил, У. (2008). *В погоне за мощью: технология, вооруженная сила и общество в XI-XX веках*. Пер. Т. Ованнисян. М. Территория будущего. 454 с.

McNeill, W. (2008). *The Pursuit of Power. Technology, Armed Force, and Society since A.D. 1000*. Ovannisyan, T. (transl.). Moscow. 454 p. (In Russ.)

Медушевский, А. Н. (2023). *Глобальный конституционализм: процессы интеграции и фрагментации в создании нового мирового порядка*. М. Директ-Медиа. 691 с.

Medushevsky, A. N. (2023). *Global Constitutionalism: Integration and Fragmentation Processes in the Creation of a New World Order*. Moscow. 691 p. (In Russ.)

Мертон, Р. К. (2006). *Социальная теория и социальная структура*. Пер. Е. Н. Егоровой и др. М. АСТ. 873 с.

Merton, R. K. (2006). *Social theory and social structure*. Egorova, E. N. et al. (transl.). Moscow. 873 p. (In Russ.)

Пинкер, С. (2021). *Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше*. Пер. Г. Бородина, С. Кузнецова. М. Альпина нон-фикшн. 952 с.

Pinker, S. (2021). *The Better Angels of our Nature. The Decline of Violence in History and its Causes*. Borodina, G. & Kuznetsova, S. (transl.). Moscow. 952 p. (In Russ.)

Розов, Н. С. (2019). Антропростасия (защита человека) – этическое ядро гуманизма. *Этическая мысль*. Т. 19. № 1. С. 141-156. DOI: 10.21146/2074-4870-2019-19-1-141-156

Rozov, N. S. (2019). Anthroprostatia (Protection of a Human Being) is an Ethical Core of Humanism. *Ethical Thought*. Vol. 19. no. 1. pp. 141-156. DOI: 10.21146/2074-4870-2019-19-1-141-156 (In Russ.)

Розов, Н. С. (2023). Возможно ли верховенство права в геополитике? *Полис. Политические исследования*. №1. С. 159-172. DOI:10.17976/jpps/2023.01.12.

Rozov, N. S. (2023). Is the Rule of Law Possible in Geopolitics? *Polis. Political Studies*. no. 1. pp. 159-172. DOI:10.17976/jpps/2023.01.12. (In Russ.)

Тилли, Ч. (2009). *Принуждение, капитал и европейские государства. 990-1992 гг.* Пер. Е. Б. Менской. М. Территория будущего. 358 с.

Tilly, Ch. (2009). *Coercion, Capital and European States. AD 990-1992*. Menskaya, T. B. (transl.). Moscow. 358 p. (In Russ.)

Филиппов, А. Ф. (2012). Полицейское государство и всеобщее благо: к истории одной идеологии. Статья первая. *Отечественные записки*. № 2. С. 328-340.

Filippov, A. F. (2012). The Police State and the Common Good. To the History of One Ideology. Article 1. *Otechestvennye zapiski*. no. 2. pp. 328-340. (In Russ.)

Braumoeller, B. F. (2019). *Only the Dead: The Persistence of War in the Modern Age*. Oxford University Press.

Brookman, F. (2005). *Understanding Homicide*. London. Sage.

Cirillo, P. & Taleb, N. N. (2016). On the statistical properties and tail risk of violent conflicts. *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. Vol. 452. pp. 29-45.

Collins, R. (2008). *Violence: A Micro-Sociological Theory*. Princeton. NJ. Princeton University Press.

Eisner, M. (2009). The Uses of Violence: An Examination of Some Cross-Cutting Issues. *International Journal of Conflict and Violence*. Vol. 3. no. 1. pp. 41-59.

Epstein, R. (2011). Book Review of *The Better Angels of Our Nature*. [Online]. *Scientific American*. Available at: www.scientificamerican.com/article/bookreview-steven-pinker-the-better-angels-of-our-nature-why-violence-has-declined/ (Accessed: 20 June 2023).

Gat, A. (2013). Is war declining and why? *Journal of Peace Research*. Vol. 50. no. 2. pp. 149-157.

Goldstein, J. S. (2012). *Winning the War on War: The Decline of Armed Conflict Worldwide*. Dutton. Plume.

Malešević, S. (2017). *The Rise of Organised Brutality: A Historical Sociology of Violence*. Cambridge. Cambridge University Press.

Morris, I. (2014). *War! What Is It Good For? Conflict and the Progress of Civilization from Primates to Robots*. New York. Farrar. Straus and Giroux.

Roser, M., Hasell, J., Herre, B., Macdonald, B. (2016) - "War and Peace". Published online at OurWorldInData.org. Retrieved from: <https://ourworldindata.org/war-and-peace> [Online Resource] (Accessed: 20 June 2023).

Сведения об авторе / Information about the author

Розов Николай Сергеевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, Николаева, 8, e-mail: nrozov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>

Статья поступила в редакцию: 21.06.2023

После доработки: 02.09.2023

Принята к публикации: 20.09.2023

Rozov Nikolai – Doctor of Philosophical Sciences, Chief Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: nrozov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2362-541X>

The paper was submitted: 21.06.2023

Received after reworking: 02.09.2023

Accepted for publication: 20.09.2023